



БИБЛИОТЕКА  
УЧИТЕЛЯ



В.В. Зверев

# Народники в истории России



•Просвещение•

2004-5

54



# БИБЛИОТЕКА УЧИТЕЛЯ

В. В. Зверев

## Народники в истории России

Книга для учителя

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 2003





структуры общества, переход к совершенно новой модели хозяйственных отношений были опосредованно связаны с осознанием рядом представителей интеллигенции альтернатив общественной эволюции. Часть интеллигенции настаивала на необходимости перемен в духе западноевропейских либеральных идей. Другая часть выступала за целесообразное сочетание лучших достижений зарубежных стран с особыми чертами отечественной культуры, народного быта, национального склада характера. Народничество представляло собой один из вариантов интеграции России в индустриальную цивилизацию. Одновременно с этим оно стало реакцией на происходившие в стране гигантские перемены.

Изначально народничество содержало антирыночные, антикапиталистические идеи. Само формирование доктрины было связано с отрицательным отношением к либерализму как идеологии буржуазного общества. Основными составляющими протеста против наступления новой эпохи стало особое понимание критерия прогресса, приверженность социалистической модели переустройства общества, признание особой роли интеллигенции в социальной эволюции.

Идеи родоначальников народничества — Герцена и Чернышевского — в значительной мере несли на себе отпечаток влияния эпохи Просвещения, западноевропейского социализма, немецкой философии. В сочетании с патристическими настроениями и стремлением хотя бы в общих чертах наметить будущее страны они и создавали «несущую конструкцию» доктрины, основное содержание которой можно было определить словами «все для блага народа». Ее конкретное выражение не выходило за рамки требований наделения крестьян землей без выкупа, организации местного самоуправления с достаточно широкими правами, созыва всесословного представительного учреждения.

Но, как показала практика общественного движения, запас идейного влияния родоначальников народничества был достаточно быстро исчерпан. Требовалась дальнейшая конкретизация и детализация их общих и неопределенных доктринальных положений. К концу 60-х гг. обозначилось разделение среди сторонников социалистической альтернативы. Основным предметом разногласий стал вопрос о революционном или реформаторском характере преобразований. В зависимости от выбора позиции просветительская тенденция обретала характер призыва к ниспровержению существовавшего строя или постепенному перевоспитанию человека, подготовке гражданина будущего. Общим как для революционеров, так и для реформаторов было желание добиться блага народа. Но по сравнению с началом 60-х гг. к известной формуле было добавлено новое требование: «Все через народ, все посредством народа», — что вызывало необходимость нового осмысления роли личности в истории.

В своих работах П. Л. Лавров, М. А. Бакунин, П. Н. Ткачев, Н. К. Михайловский развили основные идеи родоначальников народничества. Между ними не было принципиальных разногласий в определении направленности эволюции общества, во многом созвучны их оценки роли интеллигенции. Скрепляющим элементом народнической доктрины по-прежнему оставался социалистический идеал. Что же касается разработки тактических вопросов (организационные принципы строения партии, использование революционных и эволюционных методов преобразований и т. п.), то их постановка и решение во многом были вызваны изменением обстановки в стране и необходимостью определения конкретных форм деятельности.

### ГЛАВА 3. Революционный штурм семидесятников

70-е гг. XIX в. в истории России окрашены в тона радикализма. Революционный порыв народнической молодежи, желание добиться свержения самодержавия и построения социалистического общества завораживали современников героической жертвенностью, бескорыстным служением идеалам освобождения народа, самоотверженностью и стойкостью. Но добиться поставленных целей революционерам не удалось. И не последнюю роль в этом сыграл консерватизм крестьянства, глубоко укоренившаяся в народном сознании вера в доброго царя и незыблемость традиционных устоев жизни. В полной мере проявился и утопизм некоторых представлений народников. Россия не была готова к радикальным преобразованиям. В этих условиях «безумство храбрых» было обречено на поражение.

## 1. НАРОДНИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 70-х гг. XIX в. «ХОЖДЕНИЕ В НАРОД»

Работы П. Л. Лаврова, М. А. Бакунина, П. Н. Ткачева укрепили теоретическую базу народничества. В руках молодежи оказалось грозное оружие, использование которого могло повлиять на общую обстановку в стране, заставить власть пойти на уступки, осуществить либерализацию политического строя. Казалось, что вполне возможно и революционное переустройство общества: для этого достаточно объединить сторонников и направить общие действия на осуществление поставленных задач. Вопросы организационного устройства и конкретной практики становятся в первой половине 70-х гг. одними из главных в деятельности революционеров.

Участники движения по-прежнему наиболее действенной и эффективной формой объединения считали кружки. Однако печальный опыт нечаевской организации заставил весьма настороженно относиться к разного рода уставам, статутам и другим формальностям. Естественной реакцией революционной молодежи на иезуитство и макиавеллизм Нечаева стало создание организаций единомышленников, спаянных общим пониманием нравственного долга и поведения, единства мысли и действия.

Таким критериям в первую очередь соответствовало большое общество пропаганды (кружок «чайковцев»). Оно объединило людей, которые, искренне уважая друг друга, даже в мыслях не допускали возможности «верховенства» кого-либо над всеми. Подчеркнутое равенство выражалось и в том, что на собраниях кружка не избирался председатель, а решения принимались прямым большинством голосов. Член общества, нарушивший заповеди, должен был его покинуть. Кружок больше напоминал тесную семью друзей. По словам П. А. Кропоткина, никогда впоследствии он «не встречал такой группы идеально чистых и нравственно выдающихся людей...».

Начало обществу положила небольшая группа студентов Медико-хирургической академии во главе с М. А. Натансоном. Еще весной 1869 г. в Петербурге был создан первый кружок, в который вошли А. И. Сердюков, Н. В. Чайковский, Н. К. Лопатин и др. Его члены полагали, что народ необходимо подготовить к будущей борьбе. Для этого требовалась длительная и кропотливая работа. Первым шагом на этом пути должно было стать изучение народной жизни, понимание насущных потребностей жителей деревни. Эти мысли вполне соответствовали идейным постулатам П. Л. Лаврова. Планировалось организовать широкую сеть кружков самообразования, которые позволили бы тесно связать между собой будущих активных участников революционной борьбы.

В начале 1871 г. Натансон и его товарищи объединились с женским кружком С. Л. Перовской, который придерживался



аналогичных взглядов. В результате образовалась центральная группа общества, насчитывавшая двадцать человек и игравшая определяющую роль в формировании организации и ее деятельности. Именно петербуржцы составили список литературы, подлежащей первостепенному изучению, распространили ее среди периферийных отделений. Постепенно к «чайковцам» стали примыкать группы из Москвы, Киева, Херсона, Одессы. Они объединялись на федеративных началах, при которых местные отделения сохраняли внутреннюю самостоятельность, признавая только главные требования.

Но преимущественно образовательный характер занятий, составление и обсуждение в своей среде рефератов не могло полностью удовлетворить запросы членов общества. Они решают приступить к организации «книжного дела», которое предполагало осуществление переводов и издание книг, брошюр, знакомство читателей с запрещенными в стране произведениями. «Чайковцы» опубликовали сочинения Н. А. Добролюбова, В. В. Берви-Флеровского, П. Л. Лаврова, Л. Блана, К. Маркса и других авторов.

Состав центрального кружка постоянно расширялся и к осени 1873 г. насчитывал 53 человека. В него вошли Д. А. Клеменц, Н. А. Чарушин, С. С. Синегуб, П. А. Кропоткин, С. М. Кравчинский, Л. Э. Шишко, Л. А. Тихомиров. Большое общество пропаганды, как стала называться организация, по-прежнему строилось на отрицании принципов централизма и строгой дисциплины. Вместе с тем увеличение состава организации заставляло расширять круг пропаганды. «Чайковцы» были первыми, кто обратил внимание на промышленных рабочих и увидел в них помощников в деле подготовки народа к будущей революции.

В 70-е гг. подавляющая часть рабочих еще была тесно связана с деревней. У многих из них оставались земельные наделы на родине, там продолжали проживать и семьи. Сознание городских работников мало чем отличалось от сознания крестьян. Но труд на заводе и фабрике позволял быстро понять общность интересов, сформулировать требования, которые предъявлялись хозяевам. В Петербурге в начале десятилетия произошли и первые выступления рабочих. В мае 1870 г. забастовали ткачи Невской бумагопрядильни, в июле — строители в Соляном городке, в августе — каменщики. В августе 1872 г. под Нарвой вспыхнула стачка на Кренгольмской мануфактуре, для подавления которой правительство бросило войска. Большинство выступлений было вызвано непомерными штрафами, снижением расценок за изготовленную продукцию, уменьшением заработной платы.

«Чайковцы» внимательно следили за настроениями рабочих. Именно в 1872 г. они начали пропаганду среди столичного пролетариата. Первоначально в рабочие артели по собственному почину отправились Чарушин, Перовская, Клеменц, Синегуб. А затем на общем собрании кружка по этому вопросу было принято специальное решение, в котором пропаганде среди рабочих отводилось одно из главных и почетных мест в деятельности общества.

Кружки самообразования были созданы на Выборгской стороне, Васильевском острове, среди рабочих Варшавской железной дороги, за Нарвской заставой. Слушателям «чайковцы» рассказывали о борьбе пролетариата за свои права в других странах, знакомили с популярным изложением социально-экономических теорий, историей России. В движение оказалось вовлечено несколько сот рабочих. Именно из их среды вышли известные участники рабочих выступлений П. А. Алексеев, В. П. Обнорский, А. Н. Петерсон, В. И. Мясников.

— По мнению «чайковцев», более образованные, чем подавляющая масса крестьянства, городские рабочие могли сыграть роль посредников между прогрессивной интеллигенцией и народом. Лучше зная деревенскую жизнь, они были способны доходчиво и понятно объяснить односельчанам насущные задачи революционного движения и в случае необходимости возглавить выступление.

Однако время начала таких действий не было определено. Участники большого общества пропаганды были убеждены, что народная революция произойдет еще не скоро и для этого потребуются длительная подготовка. С начала 1873 г. «чайковцы» решили перейти к широкой пропаганде среди народа. Первыми решились на этот шаг С. М. Кравчинский и близкий к кружку Д. М. Рогачев. Стремление идти в народ было общим для молодежи. Но большинство ее представителей склонялись к необходимости бакунинской проповеди бунта. «Чайковцы» попытались накануне выступления обсудить теоретические и тактические вопросы. Для этого Кропоткиным была подготовлена в ноябре 1873 г. записка «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?».

Этот документ, состоявший из двух частей — изложения самого идеала и средств его реализации — фактически стал предполагаемой программой деятельности большого общества пропаганды. Она соединяла в себе некоторые идеи Бакунина и Лаврова. Влияние бакунизма ощущалось в первой части записки, лавристская тактика преобладала в вопросах реализации программы.

Кропоткин считал, что революция может быть осуществлена только самим народом. Его основная сила — крестьяне и городские рабочие. Революционеры должны помочь им, распространяя свои воззрения и увеличивая количество единомышленников, объединившихся в партию. Основным средством влияния на народные массы должна стать пропаганда. Ее формы различны. В том случае если народ в общей массе не готов на выступление, требовалось селиться в деревнях, вести устную пропаганду среди населения и готовить его к революции.

Эти идеи нашли сочувствие у «чайковцев» во время обсуждения записки: они наиболее соответствовали настроениям большинства членов общества, готовых двинуться в народ. В то же время анархистские идеалы бакунинского толка вызвали серьезную полемику и не были поддержаны. В общем, «чайковцы» пытались опереться только на те теоретические постулаты, которые, на их взгляд, наиболее подходили для использования в конкретной ситуации и могли дать ощутимые результаты. Неопределенность и нечеткость социалистического устройства не могла привлечь внимание народа, поэтому изложение идеала будущего и вызвало большое количество нареканий.

В конце 1873 г. «чайковцы» были готовы перейти к широкой пропаганде. Общая атмосфера общества свидетельствовала о намерении его членов принять активное участие в «хождении в народ», пойти по деревням и селам с проповедью свободы, равенства и братства. Однако начавшиеся аресты привели к разгрому. К весне 1874 г. петербургское отделение перестало существовать, сохранились лишь провинциальные кружки.

Большое общество пропаганды стало предвестником появления мощных народнических организаций. Взятые «чайковцами» на во-



оружие принципы взаимоотношений между членами кружка — «абсолютное равенство всех членов во всех делах организации», «полная солидарность», «полное доверие и откровенность в делах организации» — будут определяющими для всего поколения семидесятников.

Одновременно с деятельностью «чайковцев», пытавшихся применить идеи Лаврова, наиболее радикально настроенная часть молодежи стремилась осуществить на практике бакунинскую проповедь бунта.

К сторонникам Бакунина относились С. Ф. Ковалик и Ф. Н. Лермонтов. Созданные ими кружки были призваны разжигать в народе недовольство, привлекать новых членов, налаживать устойчивые связи между противниками самодержавия. Но ни численность организаций, ни их деятельность не позволили добиться значительных результатов. На этом фоне выделялся кружок А. В. Долгушина.

Инициатор его создания отличался крайним радикализмом взглядов, в которых осуждение существовавшего строя с его пороками, несправедливостью, ложной моралью сочеталось с любовью к русскому народу и готовностью ради него пойти на страдания и смерть. К осени 1872 г. Долгушину удалось объединить несколько человек, разделявших его взгляды. В кружок вошли Л. А. Дмоховский, В. А. Тихоцкий, Н. А. Плотников, К. А. Рогов, И. И. Панин и др. Участники кружка планировали путем пропаганды вызвать в массах чувство осознанного протеста, а уже затем перейти к организации широких выступлений. Для этой цели предполагалось наладить выпуск литературы.

Автором таких работ мог стать человек, пользовавшийся авторитетом среди молодежи. Долгушинцы обратились за помощью к В. В. Берви-Флеровскому. По их просьбе он написал брошюру «Как надо жить по закону природы и правды». В этом сочинении нашли отражение идеи христианского социализма, которые исповедывал в это время Флеровский. Написанная доступным и понятным языком, проникнутая духом осуждения бесправного положения народа, беззакония, брошюра произвела сильное впечатление. Печатание этой брошюры, а также прокламаций «К русскому народу» и «К интеллигентным людям» было налажено в специально приобретенной типографии.

Программа кружка основывалась на убежденности в готовности народа к революции. Интеллигенция должна была только помочь в этом, направить могучие силы масс на свержение самодержавия. Созидательная часть содержала требования предоставления всей земли крестьянам, уничтожения старой армии, введения всеобщей воинской повинности, осуществления строгого контроля за расходованием народных средств.

Стремясь быть ближе к народу, долгушинцы перебрались из Петербурга в Москву, которую они собирались сделать центром организации. Подготовку бунта хотели начать уже осенью 1873 г. Захватив с собой отпечатанную литературу, участники кружка должны были отправиться в разные районы страны: в Подмоскovie, Поволжье, на Дон. Но развернуть широкую пропаганду не удалось. В окрестностях Москвы полиция быстро установила лиц, распространявших прокламации. Долгушинцы были арестованы и в июле 1874 г. осуждены.

Деятельность отдельных народнических кружков стала предвестником массового участия молодежи в революционном движении. Уже в конце 1873 г. росло ощущение, что время самообразования и подготовки закончилось. Если не перейти к сближению с народом, то все сделанное до этого превратится в капитал, применение которого вряд ли когда-нибудь будет востребовано. Как писал С. М. Кравчинский, «точно какой-то могучий клик, исходивший неизвестно откуда, пронесся по стране, призывая всех, в ком была живая душа, на великое дело спасения родины и человечества». Десятки сотен юношей и девушек, одухотворенных призывами Бакунина идти в народ, поднимать его на борьбу с поработителями, направились в деревню. «Хождение в народ» началось весной 1874 г. Оно сразу приобрело черты «крестового похода» с «заразительным и всепоглощающим характером религиозных движений. Люди стремились не только к достижению определенных практических целей, но вместе с тем к удовлетворению глубокой потребности личного нравственного очищения». Молодыми пропагандистами двигало сознание морального долга перед народом. «Они были чистейшим олицетворением самоотверженности», где «социализм был... верой, народ... божеством».

Наскоро освоив сапожное, столярное или слесарное ремесло, которое, как казалось, могло пригодиться в общении с крестьянством, молодежь отправилась в разные районы России: в Поволжье, Сибирь, на Украину, Дон.

Однако уже первые столкновения с реальной действительностью показали непрактичность и незнание семидесятниками деревенской жизни. Оказавшись в среде крестьянства, участники «хождения в народ» чувствовали себя чужаками. Как вспоминал А. О. Лукашевич, во время странствования со своим товарищем Д. А. Аитовым они должны были освоить народный говор, научиться понимать настроения крестьян, привыкнуть к их пище. Дело доходило до анекдотических случаев. Так, пропагандисты сомневались, можно ли им, идущим на помощь народу, есть продукты, которые не по карману простому человеку, например селедку. Путем следующих логических рассуждений такая возможность была доказана: «Если селедки продаются в убогих лавчонках и в большом количестве на всех базарах... то, очевидно, их покупает не аристократия. Ergo, народ иногда ест их, — а потому можно есть изредка и нам».

Полной неожиданностью для народников оказалось и то, как «холодно относился народ к социализму и, наоборот, с какой горячностью и страстностью дебатировались те вопросы, которые касались его неотложных нужд и потребностей, которые не выходили из обычного круга его представлений и понятий о лучшей крестьянской жизни, о лучшей доле». Нельзя сказать, что пропагандистов не слушали. К ним относились с вниманием, но оно было сродни детскому интересу, проявляемому при рассказывании сказки: «Не любо не слушай, а лгать не мешай».



Весьма показательны в этом отношении воспоминания самих участников «хождения в народ». С. М. Кравчинский рассказывал, как он вместе с Рогачевым пытался агитировать проезжавшего рядом с ними крестьянина. По мере усиления аргументации о необходимости изменения существовавшего строя испуганный мирный сельский обыватель все более нахлестывал свою лошаденку, а пропагандисты прибавляли шаг. И это продолжалось до тех пор, пока они оказались не в силах бегать за телегой.

Другой народник, Н. А. Морозов, с огорчением писал о том, как только что распространенные им среди крестьян брошюры пускались на самокрутки, а сами крестьяне извинительно ссылались на отсутствие бумаги для сигарок.

Мало встречалось и крестьян, готовых встать в ряды борцов с существовавшим строем. Сельские жители все больше отмалчивались или невразумительно отвечали на увещевания пропагандистов. В лучшем случае «на призыв к активной борьбе подавали реплики, свидетельствующие, что они лишь поддержат тех, кто начнет борьбу, причем одни ожидали начала от царя, другие от революционеров».

Народникам удавалось добиться каких-либо результатов, только приспособившись к мировоззрению крестьян, передеваясь в одежды их представлений. В «Записках революционера» Кропоткин так описал деятельность Кравчинского: «Иногда Сергей, знавший Евангелие почти наизусть, толковал его мужикам и доказывал стихами из него, что следует начать бунт. Иногда он толковал великих экономистов. Крестьяне слушали пропагандистов, как настоящих апостолов, водили из избы в избы и отказывались брать деньги за харчи». В окрестных деревнях среди крестьян поползли слухи о переделе земли. Смелее повела себя молодежь, не стеснявшаяся в выражениях по отношению к власти. Об этом стало известно становому приставу. Кравчинского и Рогачева арестовали. Когда их попытались доставить в уезд, Кравчинский во время остановки в одном из сел, где был храмовый праздник, говорил с местными жителями «от Евангелия о несправедливых порядках на земле. Они слушали его и жалели, что таких хороших людей ведут в стан». А один из конвойных даже шепнул арестантам, как можно скрыться под покровом ночи, чем они и не преминули воспользоваться. Но от сочувствия апостольской проповеди до возмущения всероссийского масштаба достаточно длинная дистанция. Крестьянство в целом осталось глухо к призывам революционеров.

«Хождение в народ» стало первым столкновением двух утопий: революционно-народнической и консервативно-народной, кардинально отличавшихся между собой. Стремление выразить умонастроения эпохи, стать защитником молчавшего народа подталкивало интеллигенцию если не к мессианству, то к подвижничеству. Самопожертвование и самоотречение во имя светлого будущего, помноженные на готовность к мученичеству, создавали ореол героизма. И если основная масса населения и не была подготовлена к восприятию социалистических теорий, то на эмоциональном уровне социалисты встречали сочувствие и сопереживание. В определенной мере можно говорить и о вере в святость русского народа.

Утопичность взглядов людей деревни покоилась на вере в непоколебимость и справедливость веками выработавшихся норм, навыков и привычек. Устоявшийся и отфильтрованный в толще веков стиль работы, его сезонный характер, потребление в основном продуктов собственного труда, низкий уровень товарности производства — все это определяло органичную связь крестьянина с землей, характер использования природных богатств. Труд в поле основывался на накопленном опыте, интуиции, наблюдательности. Технические усовершенствования мыслились и воспринимались как необходимые дополнения к природному процессу, но ни в коем случае не как его кардинальная ломка или проведение непродуманных экспериментов. По крестьянской логике, человек должен был брать от земли не более того, что было необходимо для жизни, ограничиваться разумной достаточностью и тем самым уже заботиться о ее будущем плодородии.

По словам Л. Н. Толстого, «постоянное думанье о земле» было отличительной

чертой существования сельского жителя, сближало его с природой, устанавливало их нерушимую связь. Трудолюбие и долготерпение крестьянина спасали его от голодной смерти и обеспечивали необходимый прожиточный минимум. Но не более того. Неизменность процесса производства, использование главным образом мускульной силы человека и животных исключали широкое разделение труда и его интенсификацию. Постоянная опасность недорода, стихийных бедствий заставляла выработать необходимые формы взаимопомощи и взаимоподдержки: совместное (общинное) владение землей, ее периодические переделы, общее пользование выгонами, лесами, работа в пользу пострадавших и обездоленных. Напряженность, как правило, возникала не на имущественной почве, а из-за расхождения интересов разных поколений, особенно когда наступала пора смены главы большой крестьянской семьи.

Русский крестьянин был силен своей общинностью, которая диктовала неписанные законы взаимоотношений. Нормы уважения были четко определены. Наибольшим почтением пользовался «исправный хозяин», трудолюбивый и рачительный, «правильно» ведущий себя по отношению к родным и близким, воспитывающий детей в страхе и покорности. Нерадивых и лодырей община никогда не жаловала. Лень не украшала человека и считалась одним из смертных грехов, равным которому могло быть, пожалуй, только пьянство. В крестьянском сознании эти пороки были между собой тесно связаны. Правда, средний общинник не прочь был выпить (и немало). Но только по праздникам и после напряженного труда. Как подметил Н. А. Некрасов, «он до смерти работает — до полусмерти пьет».

Традиция и обычай, определявшие повседневную жизнь крестьянина, сказывались и на его отношении к власти. В его представлении царь рисовался по образу и подобию идеальной главы семьи: жесток и крут, но справедлив. Его слово — закон, а нарушителей ждет суровое, но заслуженное наказание. Провиденциальное назначение главы государства виделось в гарантии существования устоявшегося быта, стереотипов действия и мышления. При территориальной ограниченности крестьянского мира, политической пассивности жителей деревни основная масса населения России представляла надежную опору трона. А представления о справедливом устройстве жизни не шли дальше требований решения локальных и сиюминутных задач. Другими словами, это была утопия сохранения существующих порядков с их частичной и незначительной модификацией.

Столкнувшись со стеной народной консервативной утопии, революционеры не смогли пробить в ней брешь. Не оправдалась и тактика «летучей» пропаганды, когда один, чаще два молодых человека завязывали знакомство с крестьянами и пытались «окрестить» их в свою веру. По свидетельству активного участника «хождения в народ» С. Ф. Ковалика, «летучая пропаганда, по самому существу своему, не могла иметь задачей не только последовательного просвещения народа, но и систематического его революционизирования — она стремилась внести революционное брожение в широкие слои населения». Не удавалось и поднять народ на бунт. Как правило, все сводилось к разговорам на революционные темы, чтению брошюр и прокламаций. Правда, в некоторых местах удавалось создавать подобные рабочим кружкам или организовывать «оседлые» поселения. Так, В. К. Дебогорий-Мокриевич пристроился к артели плотников, в которой пытался проводить революционную агитацию. Но устававшие за день работники плохо слушали своего пропагандиста, и каких-либо результатов добиться не удалось. Более успешно действовал А. И. Иванчин-Писарев, организовавший в своем имении в Ярославской губернии столярную мастерскую. В ней трудилось с десятков местных молодых крестьян. С их помощью народники пытались распространять литературу



в близлежащих деревнях. Мастерская постепенно становилась центром сбора окрестной молодежи. Но контакт с местным населением был кратковременным. Очень скоро последовал донос властям, и «очаг крамолы» был ликвидирован.

Все больше народники убеждались и в необходимости координации своих действий. Стихийное «хождение в народ» явно нуждалось в создании опорных пунктов, в которых бы концентрировалась информация с мест, налаживались связи между отдельными группами. Попытку создания таких центров предприняли П. И. Войнаральский и И. Н. Мышкин. Они организовали в Саратове сапожную мастерскую, где брошюровались доставленные из московской типографии листы пропагандистской литературы. Одновременно мастерская была главной явкой для революционеров, действовавших в Поволжье. Предполагалось создать подобные пункты в Пензе и Самаре. Замысел имел далекие цели. В Москве, где развернул печатание брошюр и прокламаций Мышкин, должны были подготавливаться нелегальные издания, а саратовские народники брались за их распространение и объединение разрозненных сил революционеров. Но плохо налаженная конспирация не позволила добиться желаемого. 31 мая 1874 г. полиция нагрянула с обыском. Было обнаружено много прокламаций, брошюр, рекомендательных писем. Власти получили непровержимые улики и вышли на след многих участников «хождения в народ».

По всей стране прошли многочисленные аресты. К концу 1874 г. к следствию было привлечено 1600 человек. Однако многие революционеры избежали этой участи. Первый опыт общения с народом заставил их серьезнее отнестись к объединению распыленных сил, созданию крупной организации. И такая организация вскоре появилась. Она получила название всероссийской социально-революционной организации. По месту ее возникновения она еще известна под именем «москвичей».

Начало новому обществу положил А. О. Лукашевич, который после «хождения в народ» встретился в столице со своими товарищами М. Ф. Грачевским, И. О. Союзным и вместе с ними обсуждал причины поражения и перспективы создания новой организации. Единомышленников уже не удовлетворяла система кружков, которая не могла обеспечить систематической и целенаправленной пропаганды в городе и деревне. Вскоре к ним присоединился переехавший из Петербурга в Москву близкий ранее к «чайковцам» рабочий-ткач П. А. Алексеев и группа студентов-«кавказцев» во главе с И. С. Джабадари. Несколько позже в ряды «москвичей» влилась большая группа русских студенток, вернувшихся из Швейцарии, где они обучались в учебных заведениях. Еще за границей они создали так называемый кружок «фричей». В него вошли сестры В. Н. и Л. Н. Фигнер, О. С. и В. С. Любатовичи, Е. Д., М. Д. и Н. Д. Субботины, В. И. Александрова, В. А. Шатилова, Б. А. Каминская, С. И. Бардина и др.

Колония выходцев из России, обучавшихся в Швейцарии, в то время была не очень большой, но сплоченной. Здесь же продолжали учебу несколько студентов-грузин, вынужденных покинуть Россию из-за своего участия в революционном движении. «Фричи» и «кавказцы» сблизились. Молодых людей объединяло не только стремление получить образование, но и общность взглядов, желание оказаться полезными народу.

Может быть, оппозиционные настроения девушек так и не превратились бы в революционное противостояние власти, если бы царское правительство в 1873 г.

не потребовало возвращения на родину русских студенток. Этот шаг мотивировался заботой о моральном облике представительниц слабого пола. В случае отказа их грозили не допустить к занятиям в российских учебных заведениях. Столь очевидное нарушение права человека на образование вызвало негодование. Тем более что в высшие учебные заведения России доступ девушкам был практически закрыт. После долгих дебатов все-таки было решено возвращаться. Но раньше Швейцарию покинули «кавказцы». Перед самым отъездом в конце 1874 г. Джабадари и его товарищи сговорились с «фричами» о встрече уже на родине.

Созданная всероссийская социально-революционная организация строила свою работу на уставных идеях, созвучных «чайковцам»: равенство, доверие и солидарность, никаких тайн от товарищей, самоотверженность в борьбе. Каждый член общества по очереди на месяц выбирался в состав управления. В своей деятельности «москвичи» руководствовались личными представлениями о способах ведения пропаганды и агитации. Однако в отличие от большинства участников «хождения в народ» «москвичи» отказались от стихийности движения и начали с укрепления организации и предварительной подготовки масс.

Идейная преемственность с «чайковцами» проявилась не только в уставе, но и в привлечении на свою сторону рабочих. Пропаганда была развернута в Москве, Иваново-Вознесенске, Туле, Киеве и других городах. В столице, по воспоминаниям Джабадари, «москвичи» охватили своей деятельностью до 20 фабрик, мастерские Курско-Харьковской железной дороги, а также мелкие столярные, слесарные, кузнечные предприятия. Туда шли или члены организации, или рабочие группы из 4—5 человек, формально не принадлежавшие к «москвичам», но делавшие свое дело по намеченной организацией программе. Прекрасно показали себя в налаживании агитации среди рабочих С. Бардина, О. Любатович, Л. Фигнер. В полной мере проявился организаторский талант П. Алексеева, который взял на себя сплочение пролетарского ядра общества и подготовку пропагандистов из числа рабочих. Однако добиться развертывания деятельности во всероссийском масштабе все-таки не удалось. Подвела слабая дисциплина и излишняя доверчивость. Распространяя литературу, общаясь с рабочими, «москвичи» не учли степени их готовности к восприятию революционных взглядов. Некоторые рабочие сразу обращались к администрации, указывая на «коноводов» и «баламутов». После этого выявить явки и арестовать агитаторов уже не составляло труда. Провалы начались в Москве в апреле 1875 г. В августе была разгромлена группа в Иваново-Вознесенске, а затем наступила очередь тульского и киевского отделений.

Но репрессии настраивали общественное мнение на сочувствие горстке храбрецов, бросивших вызов всемогущему государству. Особенно явно это проявилось во время судебных процессов над участниками «хождения в народ» и «москвичами».

Подготавливавшиеся в течение нескольких лет процессы «50-ти» и «193-х» должны были, по мнению власти, продемонстрировать преступные замыслы революционеров и развенчать их в глазах общества. Но этим ожиданиям не суждено было сбыться.



21 февраля 1877 г. на процессе «50-ти» перед судом предстали члены всероссийской социально-революционной организации. С первого же дня они выступили с опровержением обвинений, бесстрашно высказывая свои убеждения, и превратили скамью подсудимых в трибуну обвинения царивших в России порядков. От имени «пропагандистов» речь произнесла Бардина. Она отстаивала право на борьбу за справедливое общественное устройство, доказывала нравственную силу революционеров, прогрессивность их идей, распространение которых нельзя остановить штыками. Вслед за Бардиной брали слово и другие «москвичи». Они свидетельствовали о своей верности идеалам социализма и готовности идти за них на каторгу и эшафот.

Особое впечатление на участников процесса и собравшую публику произвела речь Алексева. Он говорил от лица «рабочего люда», экономически закабаленного и политически бесправного. Охарактеризовав положение рабочих как новое крепостное право, Алексеев подчеркнул, что только интеллигентная молодежь братски их поддержала в трудную минуту. Громом в зале прозвучали его знаменитые слова: «...подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!»

Успех речи был поразительный. Как вспоминал Джабадари, сочувствие публики к Петру Алексеву было так сильно, что на другой день вся его камера «была завалена табаком, сигарами, фруктами, жареной дичью, поросятами, индейками, конфетами и печениями, а также платьями и бельем». Ответ власти был тоже весьма показательным: 15 человек, включая 6 женщин, приговорили к каторжным работам.

Осужденные «москвичи» вышли моральными победителями в борьбе с царизмом, которому не удалось опорочить революционную молодежь. Проницательный канцлер А. М. Горчаков не случайно сетовал в кругу правящих лиц на публичность процесса «50-ти». «Вы думали, — сказал он, — убедить наше общество и Европу, что это дело кучки недоучившихся мечтателей, мальчишек и девчонок и с ними нескольких пьяных мужиков, а между тем вы убедили всех, что это не дети и не пьяные мужики, а люди с вполне зрелым умом и, крупным самоотверженным характером, люди, которые знают, за что борются и куда идут».

Опасаясь повторения подобной истории, власти решили ограничить гласность суда на процессе «193-х». Для его проведения избрали тесное помещение, куда публика допускалась только по пригласительным билетам. Но вместе с правительством готовились и подследственные. Между ними было условлено выступить с революционной агитацией. Когда выяснилось, что содержащиеся под стражей были разделены на 17 групп для отдельного разбирательства, 120 человек отказались являться на заседания. Тогда их стали приводить силой. Оставшиеся 73 участника процесса хотя и дали свое согласие на участие в суде, но держались вместе с «протестантами» гордо, стойко и независимо.

Предпринятый революционерами бойкот сразу спутал карты судей. Как и на процессе «50-ти», они надеялись дискредитировать молодежь перед общественным мнением. Но избранная подсудимыми тактика ставила их в гораздо более выгодное положение. Не удалось предотвратить и выступления подсудимых, наиболее ярким из которых была речь И. Н. Мышкина. По свидетельствам очевидцев, она стала кульминацией процесса.

Выступление готовилось долго и превратилось в выражение взглядов и настроений большинства подсудимых. В нем отстаивались социалистические идеалы народничества, объяснялись причины перехода к революционным действиям, содержа-

лись грозные пророчества новых социальных бурь. Мышкин прекрасно показал, что само нежелание молодежи мириться с существовавшими в стране порядками было вызвано безысходностью положения народа. Кардинальное решение экономических и социальных вопросов было возможно, по его словам, только в обществе, где будет создан «союз производительных, независимых общин», где будет господствовать «право безусловного пользования продуктами труда» для каждого работника и «полнейшая веротерпимость». Но поскольку «государственная власть преграждает все мирные пути» к такому строю, остается только путь социальной революции.

Мышкин был убежден в неизбежности «всеобщего народного восстания». Революционеры только должны были объединить в единый поток деятельность прогрессивной интеллигенции и мощную стихию народного бунта. Себя и своих товарищей Мышкин считал частицей «многочисленной в России социально-революционной партии... лиц, между которыми хотя существует преимущественно только внутренняя связь, но связь достаточно тесная, обусловленная единством стремления, единством цели и большим или меньшим однообразием тактических действий».

Неоднократно прерываемый председателем суда, Мышкин все-таки сумел закончить свою речь. Но после ее окончания к нему бросились жандармы, расталкивая зрителей, нанося удары направо и налево. Подсудимые выкрикивали проклятия, раздавались стоны, некоторые женщины из публики упали в обморок. Не выдержав такого скандала, председатель суда покинул зал, забыв закрыть заседание.

Удар, нанесенный по авторитету самодержавия процессом «193-х», оказался еще более ощутимым, чем после суда над «москвичами». Ставшие известными факты поведения полицейских и жандармов шокировали многих. А беспомощность государства перед несгибаемой волей еще очень молодых людей оказалась просто вопиющей. Желая хоть как-то сгладить впечатление, власти максимально смягчили приговоры для подсудимых. 90 человек были оправданы. Однако в дальнейшем некоторых из них в административном порядке все-таки отправили в ссылку. 28 человек получили от трех с половиной до десяти лет каторги, 39 — ссылку.

Осужденные революционеры уходили в тюрьмы и изгнание с гордо поднятой головой, не прося пощады.

Самодержавию не удалось развенчать ореол героизма и подвижничества революционеров. Суд над молодежью только прибавил им сторонников и усилил негативное отношение к власти со стороны общества. По всему чувствовалось, что борьба не прекращена и ее продолжат уже закаленные в испытаниях личности. Неудача «хождения в народ» не подорвала веры народников в революцию. Она лишь указала им на эфемерность бакунинских утверждений о готовности крестьянства к бунту, а в организационном плане — несостоятельность идеи кружков. Все очевиднее становилась необходимость создания партии, основанной на строгих принципах централизма, конспирации и дисциплины.

## 2. «ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ», «ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДЕЛ» И «НАРОДНАЯ ВОЛЯ»

Во второй половине 70-х гг. революционеры перешли к организации тайных обществ всероссийского масштаба, объединивших большинство радикально настроенной молодежи. Первым условием



этого процесса стало создание программных и уставных документов, которыми ранее не уделялось большого внимания.

Первые шаги в этом направлении были сделаны уже в 1875 г., когда на московском и петербургских съездах было четко обозначено стремление к объединению в социалистическую партию. А в следующем, 1876 г. такая организация появилась на свет. Она получила название «Земля и воля» в память предшественников 60-х гг. У ее истоков стояли хорошо известные в революционных кругах супруги М. А. и О. А. Натансон, А. Д. Михайлов, С. М. Кравчинский, Г. В. Плеханов, В. А. Осинский и др. Вначале петербургский кружок партии состоял из 26 человек, в дальнейшем к нему присоединились новые члены: Н. А. Морозов, Д. А. Клеменц, М. Н. Ошанина, С. Л. Перовская, Л. А. Тихомиров. За три года своего существования «Земля и воля» создала и объединила кружки в Белоруссии, Польше, Грузии, на Украине и Северном Кавказе. По самым скромным подсчетам, численность организации превышала 150 человек.

Одновременно с формированием состава партии определялись и организационные принципы ее строения. Временный устав «Земли и воли» был выработан в конце 1876 — начале 1877 г. Окончательный его вариант был утвержден в 1878 г. При его обсуждении вспыхнула полемика между сторонниками федерализма и централизма. Сторонникам второго подхода во главе с Михайловым удалось доказать необходимость объединения разрозненных сил в боевой дисциплинированный отряд, деятельность которого строилась на принципах конспирации, подчинения меньшинства большинству, строгого подбора новых членов.

Во главе организации стоял основной кружок. Кроме руководящего центра создавались пять групп, отвечающих за определенное направление деятельности: интеллигентская, рабочая, редакторская, типографская и дезорганизаторская. В «Земле и воле» допускалось существование членов-сепаратистов, которые по каким-либо причинам не вступили в организацию, но выполняли ее поручения. Руководство партией осуществлялось комиссией в составе 3—5 человек, избравшейся из состава основного кружка. На ней лежала задача создавать новые отделения, координировать их работу, добывать средства, «служить посредником в сношениях между группами и аккуратно исполнять их поручения». Высшим органом «Земли и воли» считался конгресс, на котором было бы представлено не менее двух третей членов руководящего центра.

Принятие в ряды партии требовало строгой оценки личности. Членом основного кружка мог стать только человек, хорошо известный своими делами или рекомендованный для приема пятью проверенными товарищами. Становясь землевольцем, человек был «обязан всеми силами поддерживать честь и влияние как всей организации, так и отдельных членов ее». За ним сохранялось право выхода из партии, но после этого шага он обязан был хранить в тайне все, что ему известно о ее делах.

Непросто проходило и создание программы. В 1876 г. была принята первоначальная редакция, и лишь в мае 1878 г. ее окончательный вариант. В нем нашли отражение как бакунистские, так и лавристские идеи. Уже в начале программы указывалось на политический и экономический идеал землевольцев — анархизм и коллективизм. Но наряду с этим были пересмотрены прежние представления об исключительно социалистическом сознании народа. Крестьяне были невосприимчивы к пропаганде социализма и противились в своей массе коллективистским тенденциям. Поэто-

му было решено сузить «требования до реально осуществимых в ближайшем будущем» — о земле и воле. Как считали землевольцы, они тем самым согласовывали свои программные положения с реальными настроениями народных масс.

Конкретное выражение требований было сформулировано в четырех пунктах: 1. Переход всей земли в руки сельского рабочего сословия и равномерное ее распределение («Мы убеждены, что две трети России будут владеть землей на общинном начале»). 2. Содействие осуществлению полного мирского управления, при котором свободный союз общин сам определит долю общественных функций, передаваемых государству («Наша обязанность только стараться уменьшить возможно более эту долю»). 3. Введение полной свободы вероисповедания. 4. Разделение современной Российской империи на части соответственно местным желаниям.

Добиться задуманного, как считали землевольцы, можно было «только путем насильственного переворота». Но разьединенный и угнетенный народ не может «подготовить и противопоставить правительственной пропаганде широкую народную организацию». В связи с этим революционеры собирались оказать помощь «народным элементам недовольства», разного рода оппозиционным выступлениям. Для победы требовалась и дезорганизация государства, без чего невозможен успех восстания.

Организаторская часть программы предусматривала создание общества «уже готовых революционеров, согласных действовать в духе... программы, как из среды интеллигенции, так из среды находившихся в непосредственном соприкосновении с нею рабочих». Были определены средства достижения поставленной цели: агитация как словом, так, главным образом, и делом, «начиная с легального протеста против местных властей и кончая вооруженным бунтом». Требования заводить широкие связи в готовых к выступлению местностях, устраивать «прочные поселения» свидетельствовали о том, что землевольцы, следуя в общем теоретическим взглядам Бакунина, хотели поднять крестьянство на борьбу не проповедью бунта, а путем сближения с народом, селясь в деревнях под видом учителей, кузнецов, медицинских работников. «Летучая» пропаганда должна была смениться «оседлой». Тем самым отдавалось предпочтение внесению революционного брожения в широкие слои населения длительной, медленной, но более надежной и выверенной работой.

Интеллигентскую среду также требовалось охватить путем устной и печатной пропаганды. Главным образом это относилось к радикально настроенному студенчеству. Но и либералы могли способствовать деятельности партии если не участием в ее мероприятиях, то, по крайней мере, пополнением источников финансирования. Фабричные рабочие по-прежнему рассматривались как наиболее подходящие кадры для ведения пропаганды среди крестьян. Не последнюю роль занимала и «агитация литературой»: планировалось издание собственного органа и «распространение листовок зажигательного характера в возможно большем количестве».

Дезорганизаторская часть программы предусматривала привлечение на свою сторону офицеров русской армии, служащих правительственных учреждений. В определенных случаях считалось необходимым «истребление наиболее вредных или выдающихся лиц правительства...».

Включение последнего пункта было вызвано усилением правительственных репрессий против революционеров. Только за три года дознания по процессу «193-х» 43 человека умерли в тюрьме, 12 — покончили с собой, 38 — сошли с ума из-за невыносимых условий содержания. Первоначально террор допускался не как главное, а как вспомогательное средство. Созданной для этих целей дезорганизаторской группе в случае необходимости вменялось в обязанность освобождать товарищей из тюрьм, разоблачать предателей, а во время восстания действовать в столице и стать ударной силой организации.

С момента образования «Земля и воля» приступила к активным действиям как в городе, так и в деревне. Революционеры ис-



пользовали разные способы для радикализации настроений масс, привлечения в свои ряды новых сторонников. К числу таких средств относились демонстрации, поддержка стачек на заводах и фабриках, протестов студентов.

6 декабря 1876 г. землевольцы организовали выступление на Казанской площади. Оно было подготовлено с целью выразить протест против политики «белого террора», заявить о существовании партии и мобилизовать оппозиционные царизму силы для продолжения борьбы. Демонстрация началась с выступления перед собравшейся толпой, где находилось от 200 до 250 рабочих, сочувствовавших революционерам, Г. В. Плеханова. Он призвал к верности заветам мучеников за народное дело и провозгласил главный лозунг партии — требование земли и воли. Над демонстрантами взмывало вверх красное знамя с названием партии. Полиция бросилась разгонять демонстрантов. Произошло столкновение. Рабочие отступали группами и смогли спасти главных организаторов выступления. Но некоторые из демонстрантов были арестованы и осуждены.

Как вспоминал впоследствии Плеханов, участие в выступлении рабочих подрывало веру в утверждения правительства, что «бунтует» в основном интеллигенция. Но наряду с этим казанская демонстрация наглядно указала на необходимость учета конкретных нужд и запросов той среды, в которой проводилась агитация.

Землевольцы живо откликнулись на события, происходившие на промышленных предприятиях столицы. Когда в январе 1878 г. на Васильеостровском патронном заводе произошел взрыв пороха и погибло 6 рабочих, они выпустили воззвание по поводу трагического происшествия и попытались превратить похороны в политическую демонстрацию. Во время ее проведения революционеры встретили поддержку даже не охваченных пропагандой рабочих. Активно поддержали члены партии стачки на прядильной фабрике Кенига в марте и ноябре 1878 г., оказали помощь рабочим во время забастовки на Новой бумагопрядильне в начале 1879 г.

С усилением с конца 1878 г. студенческого движения «Земля и воля» развернула широкую пропаганду, публиковала студенческие воззвания, в которых разоблачались злоупотребления и насилие властей. И хотя в своем большинстве высказываемые требования не шли дальше просьб о предоставлении права сходок, устройства касс и библиотек, революционеры уделяли большое внимание волнениям студентов. В печатном органе партии помещались подробные корреспонденции о них, сообщались сведения об арестах учащихся. Землевольцы звали «студенчество на борьбу с правительством, борьбу неустанную, упорную и объединенную за свои права».

Но все же свою главную сферу деятельности организация видела в деревне. С весны 1877 г. началось создание в разных районах страны народнических поселений. Землевольцы отошли от «догматического» утверждения о преимущественно физическом труде агитатора. Хотя труд и признавался «желательным и целесообразным», но учитывались и настроения крестьян, привыкших «почитать материальную личную самостоятельность, домовитость и хозяйственность». Поэтому необходимым «считалось занять такое положение, в котором революционеру... открывалась бы широкая возможность прийти в наибольшее соприкосновение с жителями данной местности, входить в их интересы и пользоваться

влиянием на их общественные дела». Для этих целей создавались разного рода мастерские, мельницы, маслобойни, лавочки. Нанимались землевольцы и на должности сельских и волостных писарей, учителей, фельдшеров, врачей.

Были созданы три основных центра поселений: тамбовское, саратовское и воронежское. В Тамбовской губернии обосновались С. А. Харизоменов, Л. Н. Гартман, О. В. Аптекман, Н. П. Мощенко и др. На приволжские просторы двинулись В. Н. Фигнер, Ю. Н. Богданович, А. И. Иванчин-Писарев, А. К. Соловьев, А. Д. Михайлов, Н. А. Морозов. В Воронежской губернии действовали М. Н. Ошанина, А. А. Квятковский, М. Р. Попов, А. И. Баранников, М. Ф. Фроленко.

Деятельность землевольцев приобрела большой размах, приблизила их к народу, дала возможность лучше узнать его настроения, проявить свои способности. В. Н. Фигнер вспоминала, что ее труд снискал среди крестьян популярность и уважение. Бедный люд стекался к ней, «как к чудотворной иконе». На прием к «фершалу», готовому безвозмездно помочь больным, выстраивались очереди. В первый месяц Фигнер приняла 800 человек, в течение 10 месяцев — 5000, «столько же, сколько земский врач в течение года, при больнице, с помощью нескольких фельдшеров».

Сестра Веры Николаевны Евгения занялась бесплатным обучением детей. Поскольку в трех ближайших волостях не было ни одной школы, учеников приводили иногда за 20 верст. В школу просились и взрослые мужики, желая заниматься арифметикой и учиться грамоте. Сестры много времени отдавали просвещению крестьян. После рабочего дня «брали... книгу и шли «на деревню». Чтение продолжалось далеко за полночь, а их просили читать еще и еще. К девушкам прониклись глубокой симпатией и доверием: «приглашали придти на сход, чтобы обличить клязмы писаря, его взяточничество, мошенничество старшины, чтобы защитить мир».

Такой же характер носила деятельность и других землевольцев. О. В. Аптекман справедливо отметил, что они были «чуть ли не первыми пионерами-культуртрегерами с революционными целями». Там, где поселения просуществовали хотя бы год, «революционерам удалось заслужить уважение, любовь и доверие крестьян. Недаром некоторые представители администрации и земства, узнав, что лица, с которыми они по разным делам сталкивались, принадлежат к социалистической партии, говорили, что если все социалисты таковы, то они вскоре завоюют народ».

Однако и на этот раз оказалось, что поднять деревню на борьбу за землю и волю невозможно. Крестьяне по-прежнему не реагировали на попытки «помочь организоваться элементам недовольства в народе и слиться с существующими уже народными организациями революционного характера...». Да и положение самих «поселенцев» в деревне было сложным и трудным. Подозрительность властей, доносы крестьян не позволяли широко проводить задуманную работу.

Пожалуй, только в одном случае народникам удалось организовать подготовку вооруженного восстания. Речь идет о «чигиринском деле». Его инициаторы Л. Г. Дейч и Я. В. Стефанович, действуя в Чигиринском и Черкасском уездах Киевской губернии, столкнулись с упорной уверенностью крестьян в том, что «намерения царя непременно согласны с желаниями народа...». Убедившись в бесплодности доказать противное, Дейч «задался целью внести в этот тупой протест революционный элемент» и для этого стал «приноравливаться в своем образе действий



к характеру крестьянского мировоззрения. Была составлена подложная «Высочайшая тайная грамота», согласно которой царь будто бы приказывал крестьянам образовать вооруженную тайную дружину и выступить против «дворян, чиновников и всех высших сословий». В организацию были вовлечены многие крестьяне, но к сентябрю 1877 г. властям удалось раскрыть заговор.

Однако подобная мистификация не встретила однозначного одобрения в среде землевольцев. Все большее количество революционеров понимали бесперспективность надежд поднять крестьян на борьбу без разрушения существовавшей системы власти и завоевания политической свободы. Они укреплялись во мнении, что добиться этого могла лишь партия профессиональных революционеров-единомышленников. Как писал Кравчинский, «вера в безграничную силу и расширяемость революционной организации заменила собою все». К такому выводу подталкивало и постепенное превращение дезорганизаторской деятельности в главную.

Событием, открывшим эпоху политического терроризма в России, стало покушение В. И. Засулич на петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова 31 марта 1878 г. Стреляя в чиновника, революционерка хотела отомстить за телесное наказание землевольца А. С. Емельянова (Боголюбова), осужденного на каторгу. Суд присяжных, узнав о нарушении Треповым законов, оправдал Засулич. Сказанные ею на суде слова: «Тяжело поднимать руку на человека, но я должна была это сделать» — определили общие настроения сторонников самых радикальных средств борьбы с самодержавием.

В 1878 г. произошло еще несколько покушений. 25 мая член группы В. А. Осинского Г. А. Попко смертельно ранил киевского жандарма Г. А. Гейкинга. 4 августа С. М. Кравчинский в Петербурге убил шефа жандармов Н. В. Мезенцова. Объясняя свой поступок, сам Кравчинский писал: «Убийство — вещь ужасная! Только в минуту сильнейшего аффекта, доходящего до потери самосознания, человек, не будучи извергом и выродком человечества, может лишиться жизни себе подобного. Русское же правительство нас, социалистов, нас, посветивших себя делу освобождения страждущих, нас, обрекших себя на всяческие страдания, чтобы избавить от них других, — русское правительство довело до того, что мы решаемся на целый ряд убийств, возводим их в систему!»

В ответ правительство усилило борьбу с революционерами. 15 октября 1878 г. были арестованы члены центрального кружка землевольцев — О. А. Натансон, А. Н. Малиновская, А. Д. Оболеншев, Л. П. Буланов, Л. Ф. Бердников и др. Но полностью разгромить организацию не удалось, и она быстро восстановила свои ряды. Уже в конце октября 1878 г. стал выходить журнал «Земля и воля».

Партия сама перешла в наступление: «...чем туже стягивается железное кольцо правительственного произвола, тем сильнее конденсируется, тем упорнее сосредоточивается революционная воля в одном определенном направлении — направлении отчаянной борьбы с правительством...». В январе 1879 г. в Киеве были арестованы В. А. Осинский и С. А. Лешерн, а 9 февраля Г. Д. Гольденберг убил харьковского губернатора Д. Н. Кропоткина, 13 марта Л. Ф. Мирский предпринял неудачную попытку покушения на

нового шефа жандармов А. Р. Дрентельна. Наконец, 2 апреля А. К. Соловьев стрелял в Александра II.

В условиях общей инертности народа, репрессивной политики правительства, отсутствия демократических институтов политическая борьба свелась к тактике индивидуального террора против царя и виднейших представителей бюрократии. Среди землевольцев наметился раскол на «деревенщиков», сторонников старых методов агитации и пропаганды, и «политиков». «Земля и воля» фактически перестала существовать как единое целое. Сторонники политической борьбы создали тайный центр, получивший наименование Исполнительный Комитет (ИК) Северно-Революционной партии. Произошло размежевание и в редакции журнала «Земля и воля».

Стремясь преодолеть кризис, землевольцы решили создать съезд. Но предварительно «политики» собрались в Липецке, где с 17 по 20 июня была выработана общая линия поведения на съезде. Члены ИК — А. Д. Михайлов, Н. А. Морозов, А. А. Квятковский, А. Ф. Фроленко, Л. А. Тихомиров и прибывшие с юга сторонники террора А. И. Желябов, Н. Н. Колодкевич, Г. Д. Гольденберг, С. Г. Ширяев — отстаивали необходимость ведения политической борьбы и в случае несогласия с ней большинства участников партийного форума предлагали действовать самостоятельно.

Воронежский съезд проходил с 20 по 24 июня. Среди делегатов лишь Плеханов заявил о себе как последовательный и непримиримый противник террора. Он ушел с заседания и был исключен из организации. Однако решения съезда были выдержаны в компромиссном духе. ИК остался в партии, но добился автономного положения: получил право вербовать своих членов без согласия «Земли и воли», иметь свой печатный орган. «Деревенщики» согласились с политическим террором, но признавали его крайней мерой в борьбе с самодержавием. Деятельность в деревне рекомендовалось продолжать, но в духе организации аграрного террора. Большинство делегатов высказались за царевубийство. В члены партии были приняты Ширяев, Колодкевич, Желябов, а также находившиеся за границей Засулич и Стефанович.

Но предотвратить распад эти решения уже не могли. Расхождения между двумя фракциями нарастали. В августе 1879 г. в Петербурге был созван новый съезд, на котором произошел окончательный раскол «Земли и воли» на две организации — «Черный передел» и «Народную волю».

Продолжателями дела землевольцев объявили себя члены «Черного передела». Это была относительно небольшая группа, состоявшая из 24 человек. В нее входили Плеханов, Дейч, Аксельрод, Засулич и др. Чернопередельцы остались верны традиционной тактике и действовали в студенческой, рабочей и деревенской среде путем пропаганды и агитации.

В целях расширения состава организации было решено обратиться к студенческой молодежи. Однако оказалось, что хотя сочувствие землевольческим идеям и было достаточно сильным, но «настроение наличных революционных сил... не в пользу систематической работы в деревне». Тем самым подтверждалась ее малая результативность в прошлом и слабая надежда на активизацию в будущем.

Окончательно разрушила имевшиеся планы разведка, предпринятая М. Р. Поповым и Н. Н. Петровым в Чигиринском уезде, где предлагал возобновить деятель-



ность Стефанович. Установить связи с крестьянами было весьма сложно. Аптектман вспоминал: «деревня ушла от нас — и, по-видимому, бесповоротно и надолго». Чернопередельцы ограничивались распространением в деревнях прокламаций и листовок.

Основной упор был сделан на работе в городе, среди интеллигенции и рабочих. После долгих трудов удалось наладить издание газеты «Черный передел», стали создаваться новые кружки в Петербурге, Москве, Харькове. Один из них даже появился в столичном Морском училище. Но в январе 1880 г. полиция захватила типографию, провела аресты ряда видных членов организации. Опасность задержания нависла над руководителями партии. Плеханов, Стефанович, Дейч, Засулич покинули Россию.

Однако эти события не привели к свертыванию деятельности организации. Уцелевшие чернопередельцы смогли собрать распыленные силы и восстановить партию под названием Северно-Русское Общество «Земля и воля». По неточным сведениям, в нее входило около 40 человек. Главную роль в руководстве играли П. Б. Аксельрод, М. К. Решко, А. П. Буланов.

Главное место в деятельности по-прежнему отводилось организации «боевых сил среди крестьянства и городских рабочих». Но наряду с этим появились и некоторые политические требования. Так, не придавая большого значения Учредительному собранию, партия вместе с тем признавала необходимым воспользоваться этим органом в будущем «для заявления народных требований как с трибуны, так и в избирательных собраниях». Хотя чернопередельцы и не собирались возводить террор в систему, они признавали «его полезность постольку, поскольку он будет служить главным целям общества...».

В целом «Черный передел» в программных вопросах все больше эволюционировал в сторону «Народной воли». Особенно сильный сдвиг в сторону политической борьбы произошел после покушения 1 марта 1881 г. К этому времени ряды партии сильно поубавились, многие ее члены были арестованы, «на оставшихся свалилась совершенно непосильная работа, они буквально разрывались на части». В этих условиях уцелевшие революционеры приняли решение объединиться с народовольцами.

Героическая борьба «Народной воли» стала последним трагическим актом развернувшегося сражения горстки революционеров-разночинцев с государством. Против него направили народовольцы свой главный удар. В его лице они рассчитывали уничтожить «крупнейшую в стране капиталистическую силу» и «единственного политического притеснителя народа». Государство не имело ничего общего «с народными желаниями и идеалами», держалось «исключительно голым насилием». Поэтому политический переворот представлялся самым простым и эффективным способом перехода к реализации исконных принципов существования: право на землю, общинное и местное самоуправление, зачатки федеративного устройства, свобода совести и слова.

После победы революции воля народа могла быть «высказана и проведена Учредительным собранием, избранным свободно, всеобщей подачей голосов, при инструкциях от избирателей». Наряду с этим представительный орган страны должен был пересмотреть устройство государственных и общественных учреждений, перестроить их согласно воле народа. Сами народовольцы собирались отстаивать перед депутатами свои конкретные предложения по реформированию политической системы страны: народное представи-

тельство, областное самоуправление, административная и экономическая самостоятельность общины, принадлежность земли крестьянам, фабрик и заводов рабочим, свобода слова, печати, собраний, всеобщее избирательное право, замена постоянной армии территориальной. Программа «Народной воли» концентрировалась в себе идеи, которые были высказаны теоретиками народничества и частично апробированы в документах других организаций.

Практика народовольцев включала в себя пропагандистско-агитационную и разрушительную деятельность. Задача пропаганды состояла в популяризации во всех слоях населения политического переворота как средства социальных преобразований и собственной программы партии. Агитация должна была способствовать высказыванию в широких масштабах протеста против существовавших порядков и требований реформ. Формами выражения такого протеста могли стать сходки, демонстрации, петиции, отказ от уплаты податей. Разрушительная деятельность включала в себя организацию террора против «наиболее вредных лиц правительства», подрыв «обаяния правительственной силы», защиту партии от шпионов, возбуждение революционного духа народа и поддержание веры в победу, формирование годных к бою сил.

Создание тайных обществ, сплоченных вокруг одного центра, признавалось необходимым особенно при организации переворота. Работу среди народа народовольцы по-прежнему считали одной из главных в своей деятельности и стремились приобрести сторонников, подготовить массы к активному содействию. Но сама организация выступления возлагалась на партию. В программных документах не отрицалась возможность крестьянской революции, но главным методом борьбы считался заговор. Рассчитывали народовольцы и на поддержку оппозиционных групп, не вошедших с ними в союз, но выступающих против самодержавия.

В документе «Подготовительная работа партии» были конкретизированы представления о способах борьбы с властью и получили более четкое обоснование формы ведения пропаганды и агитации среди разных слоев населения. Так, предполагалось, что уничтожение существовавшей правительственной системы могло произойти разными путями. Не исключалась возможность того, что одряхлевшая власть пойдет на самые широкие уступки народу или по меньшей мере даст конституцию. В этом случае для революционеров было выгодно отсрочить восстание, чтобы «возможно лучше организовать и укрепиться». Но такое развитие событий было весьма маловероятным и могло произойти только тогда, когда правительство «будет к этому *вынуждено*». Принудить его к этому могла только угроза восстания. Его начало может быть вызвано «народным бунтом, неудачной войной, государственным банкротством, разными осложнениями европейской политики...». К этим событиям партия должна быть готова, чтобы в подходящий момент перейти к активным действиям. Если удастся уничтожить 10—15 «столпов современного правительства», то власть охватит паника. Пользуясь моментом, «заранее собранные боевые силы начинают восстание», поддержанные значительными силами рабочих, интеллигенции, распропагандированных войск в столице и провинции.

Деревне в намечаемой программе действий отводилась вспомогательная роль. К концу 70-х гг. народовольцы убедились, что патриархальность русского крестьянства «не менее могущественная плотина на пути революции, чем внешний полицейский гнет». Наряду с этим значительно большее место уделялось позиции интеллигенции, городских рабочих и войска. Но если революционному воспитанию молодого поколения, привлечению на свою сторону «людей интеллектуального труда» и раньше придавалось большое значение, то обращение к пролетариату и армии было новым положением. Рабочие уже не расценивались как помощники в деле пропаганды и агитации в крестьянской среде, а были представлены в качестве само-



стоятельной силы, способной оказать решительное воздействие на ход восстания. Не менее важной признавалась и помощь войска: «...имея за себя армию, можно низвергнуть правительство даже без помощи народа, а имея армию против себя, ничего, пожалуй, не достигнешь и с поддержкой народа». Поэтому считалось необходимым развернуть широкую агитацию среди офицерского состава, привлекать на свою сторону «лучших, наиболее развитых и энергичных» его представителей.

В целом программные документы «Народной воли» стали квинтэссенцией народнических поисков в области теории и практики, предпринятых в предыдущие годы. Принципиально новыми в них стали обоснование необходимости политической борьбы и создание концепции подготовки, проведения революции, реализации социальных преобразований.

Особо следует сказать о разрушительной деятельности партии — политическом терроре. Это положение не занимало в программе «Народной воли» главного места и рассматривалось только как средство воздействия на самодержавие. В значительной мере «красный террор» стал ответом на действия правительства. Создание в апреле 1879 г. временных генерал-губернаторств, наделение генерал-губернаторов чрезвычайными полномочиями привели к усилению преследований, росту числа казней. За 8 месяцев было казнено 16 человек. В городах увеличилась численность полиции, в сельской местности в помощь станovým приставам были приданы урядники. Участились высылки студентов, свирепствовала цензура.

В этих условиях, как считали революционеры, выбор такого оружия, как террор, был продиктован необходимостью самообороны, защиты своих рядов от проникновения шпионов и провокаторов. Сами революционеры понимали моральную ущербность и предосудительность террора. Так, Кравчинский неоднократно говорил и писал, что «террор — ужасная вещь, есть только одна вещь хуже террора: это — безропотно сносить насилие».

Характерна в этом отношении и реакция народovolьцев на убийство президента США Д. А. Гарфильда в 1882 г. Выразив сочувствие американскому народу, члены партии подчеркнули, что в демократическом государстве «политическое убийство есть проявление того же духа деспотизма, уничтожение которого в России мы ставим своей задачей». В этом заявлении не было никакого противоречия с тактикой «Народной воли». Вседозволенность власти по отношению к обществу, по мнению народovolьцев, служила моральным оправданием террористических действий против нее.

Уставные принципы «Народной воли» были полностью подчинены программным требованиям. Во главе организации находился Исполнительный Комитет (ИК). Высшим органом считался съезд его членов, а исполнительные функции возлагались на постоянно действующую Распорядительную комиссию, состоящую из трех человек. В действительности вся полнота власти концентрировалась в руках Исполнительного Комитета, вокруг которого объединялись специальные и местные группы, агенты 1 и 2 категории. Деление агентов на категории позволяло предохранить организацию от проникновения провокаторов.

Местные отделения «Народной воли» действовали в определенном районе и имели право решать региональные вопросы. Однако в мероприятиях, имевших общероссийское значение, они подчинялись ИК и отчитывались перед ним.

Устав партии требовал от ее членов быть беззаветно преданными делу революции, беспрекословно подчиняться партийной дисциплине. Выход из числа агентов ИК практически не допускался.

«Народная воля» представляла собой организацию профессиональных революционеров, построенную на принципах централизма, с хорошо поставленной дисциплиной, четким разграничением функций и обязанностей ее членов.

На рубеже 70—80-х гг. народovolьцы активно действовали в 67 городах страны, где существовало около 80—90 отделений партии и до 200 военных, рабочих, студенческих кружков. Численность активных членов «Народной воли» достигала примерно 500 человек, еще порядка 4—5 тыс. составляли близкие к организации и поддерживающие ее силы. В ИК входили проверенные революционеры: А. И. Желябов, С. Л. Перовская, А. Д. Михайлов, В. Н. Фигнер и др. В общей сложности до 1 марта 1881 г. в ИК в разное время состоял 31 человек. Партия превратилась в грозную силу, которая представляла серьезную опасность для самодержавия. В целях защиты от шпионов революционерам даже удалось внедрить в святая святых политического сыска — III отделение — своего агента Н. В. Клеточникова, который регулярно предупреждал о готовящихся обысках, арестах и провокациях.

Народovolьцы предпринимали действия по подготовке переворота. В основном их деятельность проходила в городской среде. В рабочих кружках первоначально занимались образованием, а затем переходили к политической пропаганде. «Народная воля» готовила их членов к восстанию. Деятельное участие народovolьцы принимали и в стачках. Забастовка рассматривалась ими как эффективное политическое средство агитации. При содействии революционеров прошли стачки в Киеве, Серпухове, Иваново-Вознесенске, Москве, Петербурге и других городах. С декабря 1880 г. издавалась «Рабочая газета».

Широкий размах приобрела деятельность народovolьцев и среди учащейся молодежи. Студенчество оценивалось как один из главных источников пополнения сил. В нем постоянно поддерживались революционные настроения. Для координации общих усилий специально была создана Центральная университетская группа, которая направляла действие студенческих организаций в других городах страны. Местные кружки «Народной воли» были связаны тесными узами с гимназистами. Молодежь распространяла прокламации, работала среди рабочих, участвовала в демонстрациях. Много шума в Петербурге наделала народovolьческая акция на университетском акте 8 февраля 1881 г. На глазах 4 тыс. присутствовавших члены студенческого кружка выступили с осуждением правительственной политики в образовании и устроили обструкцию министру просвещения А. А. Сабурову.

Еще большее внимание уделялось организации военных боевых групп. Недовольство существовавшим строем проникло и в офицерскую среду. Но наладить контакты с этим достаточно обособленным слоем населения народovolьцам удалось далеко не сразу. Потребовались ум, такт, незаурядные качества пропагандистов, чтобы донести до оппозиционно настроенных офицеров основные идеи партии. Главную роль в создании военной организации «Народной воли» сыграл Желябов. Во многом благодаря его упорству удалось склонить кружок моряков Кронштадта на свою сторону. Другой крупный центр военной работы находился в Николаеве и Одессе. Всего в армии и на флоте существовало не менее 50 кружков с 400 офицерами в их составе. Для руководства военной организацией был создан Центральный Комитет. В его состав входили два представителя ИК — А. И. Желябов, Н. Н. Колодкевич и трое военных — Н. Е. Суханов, А. П. Штромберг, Н. М. Рогачев.

Широко была поставлена «Народной волей» и издательская работа. Партия выпускала пять газет, информируя общественность в России и за рубежом о своей



деятельности. Революционерам удалось заручиться поддержкой определенных кругов в Западной Европе. Немало для этого сделали находившиеся за границей Л. Н. Гартман и П. Л. Лавров. Они стали по поручению «Народной воли» ее уполномоченными по вопросам пропаганды. Распространяемые ими брошюры, журнальные статьи, выступления на лекциях настраивали общественное мнение против правительства России.

Тем не менее деятельность «Народной воли» по подготовке революционного выступления оказалась практически безрезультатной.

Основные силы народовольцев поглощала организация покушения на главную фигуру в государстве — российского императора. Вынесенный Александру II приговор народовольцы несколько раз пытались привести в исполнение. Долгое время царю удавалось избежать смерти. После ряда террористических актов самодержавие перешло к чрезвычайным методам управления страной. В феврале 1880 г. была создана Верховная распорядительная комиссия во главе с М. Т. Лорис-Меликовым. Понимая, что одними репрессиями с революционным движением справиться нельзя, он стремился привлечь на свою сторону либеральной оппозицию.

Для этих целей был смещен со своего поста вызывающий недовольство общественности министр народного просвещения Д. А. Толстой, упразднено III отделение, а его функции переданы Департаменту полиции. Цензурные послабления коснулись печати. К благонамеренной части общества Лорис-Меликов обратился с призывом оказать поддержку власти. Тем самым он надеялся добиться перелома в общественном мнении и уничтожить атмосферу сочувствия революционерам. В целях стабилизации внутреннего положения государства Лорис-Меликов готов был пойти на создание комиссий, которые занялись бы подготовкой проектов преобразования губернского, земского и городского управления, внесли бы дополнения к «Положениям» 19 февраля 1861 г. Подготовленные документы в дальнейшем должны были быть рассмотрены в Государственном совете с привлечением выборных от земств и городов. Ни о какой конституции речь не шла. Это была слабая попытка либерализации существовавшего режима.

Лорис-Меликов не собирался ослаблять преследований революционеров. За 1880 г. было казнено 5 человек, а 60 — отправлено в ссылку. Часть народовольцев, включая руководителей организации Желябова, Михайлова, а также их ангела-хранителя Клеточникова, были арестованы. Но подготовка покушения на царя не была прекращена. Ее возглавила Перовская. 1 марта 1881 г. Александр II был убит. Однако ожидаемого свержения царизма не произошло. По «Народной воле» был нанесен мощнейший удар. 3 апреля были казнены «первомартовцы» — С. Л. Перовская, А. И. Желябов, Н. И. Кибальчич, Т. М. Михайлов, Н. И. Рысаков. Прокатились многочисленные аресты.

Правда, партия не была окончательно разгромлена. Еще достаточно сильна была ее военная организация, продолжали действовать студенческие и рабочие кружки. Но силы были явно неравны. 10 февраля 1883 г. была задержана В. Н. Фигнер, факти-

чески возглавлявшая партию в это время. Последовавшая затем попытка Г. А. Лопатина восстановить «Народную волю» закончилась неудачей. Революционное народничество вступило в полосу длительного кризиса.

В течение 70-х гг. XIX в. революционеры предприняли несколько попыток осуществления радикального преобразования общества, испробовали все имевшиеся средства борьбы. Но добиться задуманного не удалось. Народ оказался глух к проповеди социализма. Поднять крестьянские массы на борьбу с самодержавием не могли ни агитационно-пропагандистская деятельность, ни организация поселений, ни героическое подвижничество молодежи. Между интеллигенцией и народом по-прежнему пролегла глубокая пропасть непонимания.

Переход к созданию партий, спаянных единством общей цели, идейных взглядов, дисциплины и конспирации, стал ответом на социально-экономическую ситуацию в стране, действия властей и инертность народа. Борьба за политическую свободу, демократию и социализм, которую вела небольшая группа революционеров, продемонстрировала разрушительную силу террора и утопизм надежд на быстрое свержение самодержавия. Верно определив необходимость переустройства государства, народники не смогли опереться на широкую социальную базу.

#### ГЛАВА 4. Реформаторское народничество в 70-е — начале 80-х гг. XIX в.

«Хождение в народ», борьба «Земли и воли», «Народной воли» стали вехами революционной практики наиболее радикально настроенной части российской интеллигенции. Эта деятельность не только ознаменовала наступление нового этапа в эволюции народничества, этапа «натиска и штурма», но и обострила целый ряд теоретических и тактических вопросов: взаимоотношение интеллигенции и народа, выбор форм и средств борьбы, баланс демократических, социалистических и политических требований в партийных программах и т. п.

Над их разрешением бились не только радикалы, но и народники умеренного (реформаторского) направления, которые в основе своих концептуальных подходов не были сторонниками революционного насилия или в силу различных причин пришли к выводу о необходимости пересмотра радикальных и ультралиберальных взглядов. Наиболее явно обе тенденции проявились в творчестве Н. К. Михайловского, П. П. Червинского и И. И. Каблицы (Юзова).

##### 1. «ФОРМУЛА ПРОГРЕССА» Н. К. МИХАЙЛОВСКОГО

Эволюцию мировоззрения Михайловского в 70-е — начале 80-х гг. XIX в. можно было бы охарактеризовать в двух словах — преемственность и дальнейшее развитие. Идеи, высказанные в статье «Что такое прогресс?», получили расширенное толкование, развернутую аргументацию, фактологическое наполнение и подтверждение.

Как и в конце 60-х гг., Михайловский признавал роль интеллекта в постижении законов природы и поступательном движении общества к справедливому социальному устройству. Однако сама по себе наука еще не может обеспечить благополучия и процветания всего общества в целом. Она должна быть социально ориентированна. Только выполняя свой моральный долг перед простыми людьми, только служа интересам труда, ученые могут стать выразителями прогресса. Именно в этом видел Михайловский значение науки. Этическая оценка ее роли преобладала в его



# ОГЛАВЛЕНИЕ

03 - 61045

Предисловие . . . . .	3
<b>Глава 1. Родоначальники народничества . . . . .</b>	<b>5</b>
1. Прогресс. Россия и социализм в творчестве А. И. Герцена . . . . .	15
2. Рационализм и утопизм Н. Г. Чернышевского . . . . .	29
<b>Глава 2. Идеиные поиски 60-х — начала 70-х гг. XIX в. . . . .</b>	<b>—</b>
1. Эпоха прокламаций, тайных обществ и кружков . . . . .	40
2. Теоретики революционаризма и реформаторства (конец 60-х — начало 70-х гг. XIX в.) . . . . .	52
<b>Глава 3. Революционный штурм семидесятников . . . . .</b>	<b>53</b>
1. Народнические организации первой половины 70-х гг. XIX в. «Хождение в народ» . . . . .	63
2. «Земля и воля», «Черный передел» и «Народная воля» . . . . .	75
<b>Глава 4. Реформаторское народничество в 70-е — начале 80-х гг. XIX в. . . . .</b>	<b>—</b>
1. «Формула прогресса» Н. К. Михайловского . . . . .	86
2. От революционного радикализма к теоретическому обоснованию культурничества (П. П. Червинский, И. И. Каблиц) . . . . .	98
<b>Глава 5. Экономическая теория народничества и русский капитализм (Н. Ф. Даниельсон, В. П. Воронцов) . . . . .</b>	<b>99</b>
1. Развитие русской деревни в 70-х — начале 90-х гг. XIX в. . . . .	108
2. Капитализм в помещичьем хозяйстве и промышленности . . . . .	117
<b>Глава 6. «Теория малых дел» и кризис народнической доктрины . . . . .</b>	<b>118</b>
1. Я. В. Абрамов: «теория малых дел» . . . . .	127
2. Кризис народнической доктрины . . . . .	139
<b>Заключение . . . . .</b>	<b>139</b>

Учебное издание

Серия «Библиотека учителя»

**Зверев Василий Васильевич**

## **НАРОДНИКИ В ИСТОРИИ РОССИИ**

Книга для учителя

Зав. редакцией Л. А. Соколова. Редактор В. В. Артемов. Художественный редактор Т. Г. Никулина. Технический редактор Р. С. Еникеева. Корректоры А. Д. Кубрик, И. Б. Окунева.

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93—953000. Изд. лиц. Серия ИД № 05824 от 12.09.01. Сдано в набор 02.11.01. Подписано в печать 25.04.02. Формат 60×90<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9. Усл. кр.-отт. 9,63. Уч.-изд. л. 12,11. Тираж 3000 экз. Заказ № 1128.

Федеральное государственное унитарное предприятие ордена Трудового Красного Знамени «Издательство «Просвещение» Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. 127521, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Государственное унитарное предприятие ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. 410004, Саратов, ул. Чернышевского, 59.